

РАНДЕЙСКИЙ ДОГОВОР И КОРОНАЦИЯ ТИРИДАТА АРШАКИДА В РИМЕ

А. А. СТЕПАНЯН (Ленинград)

I век н. э. был важнейшим этапом в многовековой борьбе Парфии и Армении с римской экспансией. Борьба эта приняла особо острый характер в ходе десятилетней войны (54—64 гг. н. э.), исход которой оказал весьма ощутимое влияние на дальнейшую историю Передней Азии. Рандейский договор, заключенный по окончании этой войны, ознаменовал коренные изменения в международных отношениях. Была создана стабильная система взаимоотношений государств, примыкавших к Евфрату, которая обеспечила долгое затишье в этом районе. Оказавшись достаточно гибкой, эта система просуществовала вплоть до падения династии Аршакидов в Парфии (228 г. н. э.), несмотря на попытки некоторых римских императоров ликвидировать ее. Все это говорит о принципиальной важности исследования характера и условий договора, уже давно привлекавшего внимание ученых.

Вряд ли можно сомневаться в том, что разносторонняя интерпретация Рандейского договора возможна лишь на фоне той исторической ситуации, при которой стало необходимым его заключение. Поэтому мы в первую очередь задались целью обрисовать общую картину событий на евфратской границе в 50—60-х годах I в. н. э., опираясь на результаты наших предыдущих изысканий¹.

50—60-е годы н. э. ознаменовались на Евфрате дальнейшим обострением антагонизма между двумя великими державами античного мира—Парфией и Римом. Их борьба вскоре вылилась в долгую войну (54—64 гг. н. э.). Парфянское государство, переживавшее в течение всей первой половины I в. н. э. период продолжительных внутренних неурядиц, в начале 50-х годов н. э. снова обрело былое могущество для того, чтобы противостоять римскому натиску. Это стало возможным благодаря формированию антиримской коалиции транс-

¹ А. А. Степанян, Политическая обстановка в Армении во втором десятилетии I века н. э., «Сб. аспирантских научных трудов АПИ им. Х. Абовяна», 1971, № 5; его же, Поход Пета в Армению и Рандейский договор (64 г. н. э.), там же, 1974, № 6; его же, Внутриполитическая борьба Парфии в первой половине I века н. э. и Рим, «Сб. научных трудов АПИ им. Х. Абовяна», 1972, № 4. Ср.: Հ. Հ. Մանանդյան, Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հատ. I, Երևան, 1944, стр. 326—355; Ս. Տ. Երեմյան, Տասնամյա պատերազմը հռոմեացիների և հայ-պարթևական ուժերի միջև: Տրդատ Ա Արշակունու գահակալումը, «Հայ ժողովրդի պատմություն», հատ. I, Երևան, 1971, стр. 734—755.

евфратских государств, во главе которой стояла сама Парфия. Основой этой коалиции был армяно-парфянский союз. К сожалению, процесс образования коалиции (не говоря уже о ее характере и особенностях) остается вне поля зрения исследователей, хотя сведения древних по этому вопросу недвусмысленны. Мы считаем необходимым в нескольких словах осветить его, обращая при этом особое внимание на развитие армяно-парфянских отношений.

Сложна динамика политических отношений царства Великой Армении с Парфянской державой и далеко не всегда их интересы совпадали. Это в полной мере относится к первой половине I в. н. э.

В 12 г. н. э. с воцарением Артабана III в Парфии к власти пришла группировка скифской знати, которая обитала в северо-восточных областях этой страны. Основной задачей ее политической программы было восстановление державы Ахеменидов путем военной экспансии. Особое значение придавалось завоеванию Армянского царства, без военно-политической поддержки которого трудно было рассчитывать на успех: по своему могуществу оно было вторым после Парфии государством Передней Азии². В парфянских правящих кругах считали, что для покорения Армении настал весьма благоприятный момент—в начале I в. н. э. (вплоть до 50-х годов) страна переживала тяжелый политический кризис в связи с падением династии Арташесидов. Однако эти устремления Ктесифонта вызывали сильное сопротивление армянской знати, стремившейся во что бы то ни стало отстоять независимость своей страны. Все это вызвало значительные изменения в политике Римской империи по отношению к Армении.

Со времен Августа основной задачей внешней политики Рима было обеспечение безопасности границ империи. Бесперспективность экспансионистской политики со всей очевидностью проявилась в Передней Азии—Рим стремился обеспечить свою гегемонию в этом районе, опираясь на силы подвластных, полунезависимых царств, таких, как Понт, Каппадокия, Коммагена. Но успех этой политики был возможен только в случае установления строгого контроля над Арменией. Август и его приближенные полагали добиться этого с помощью системы марионеточных правителей. Опираясь на свои военные силы, они возводили на трон армянских царей тех представителей династии Арташесидов, которые долгие годы находились у них в качестве заложников. С этой же целью впоследствии армянский престол предоставлялся атропатенским царям. Однако римляне не смогли укрепить свои позиции в Армении—их ставленники, как правило, становились жертвами заговоров армянской знати, и в последние годы правления Августа они полностью потеряли свою власть над этой страной.

В начале правления Тиберия (14—37 гг. н. э.) на Евфрате римляне стояли перед серьезными трудностями. Воион I, их ставленник на

² Just., *Epitoma*, 42. 2.

парфянском троне, был изгнан Артабаном III и искал убежища в Армении, не имевшей в то время правителя. Но армянская знать, заручившись поддержкой парфянского царя, заставила его отказаться от претензий на престол и удалиться из Армении. Армяно-парфянское сотрудничество оказалось, однако, неустойчивым; вскоре оно распалось из-за стремления парфянского двора покорить Армению.

В этой ситуации правительство Тиберия разработало новый политический курс по отношению к Армении, целью которого было добиться того, чтобы эта армяно-парфянская рознь стала необратимой. Не добившись подчинения Армении, римляне собирались признать ее независимость и установить с нею дружественные отношения, с тем, чтобы страна осталась в сфере их политического влияния. В 18 г. Рим признал царем Армении Зенона-Арташеса, пользовавшегося огромной популярностью как среди знати, так и среди простого народа.

Это было реализацией программы старой римской аристократии, пользовавшейся большим влиянием особенно в первый период правления Тиберия. Итак, было найдено новое решение армянской проблемы, которому было суждено играть важную роль в событиях 50—60-х годов н. э. В Ктесифонте были вынуждены примириться с таким ходом событий. Внутренняя жизнь Парфянского государства была сильно наэлектризована в связи с борьбой различных политических группировок. Наряду с группировкой скифской аристократии, о которой шла речь выше, немалым влиянием пользовалась и проримская группировка. Она выражала интересы городских общин Месопотамии, стремившихся сохранить свою полисную автономию в составе державы Аршакидов. Для этого считалось необходимым возвести на их трон римского ставленника.

Однако самой многочисленной и активной была, пожалуй, группировка исконной парфянской аристократии, отстраненной от власти скифами. Она отказывалась как от внешнеполитической экспансии, так и от попыток подчинить Парфию римскому контролю. Ее программа была направлена на упрочение внутреннего и внешнего положения страны. В сложной политической борьбе эта группировка добилась победы и с воцарением Вологеза I (51—75 гг. н. э.) снова взяла в свои руки бразды правления в Парфянской державе.

Отказ Парфии от экспансионистской политики привел к коренным изменениям в межгосударственных отношениях—он создал реальные условия для сотрудничества трансъевфратских государств. Сказанное в первую очередь относится к армяно-парфянским отношениям. И в Ктесифонте, и в Арташате хорошо понимали, что только объединенными усилиями можно заставить Рим отказаться от своей гегемонии на Евфрате³, и уже в 52 г. армяно-парфянский союз стал реальностью.

³ Это было, пожалуй, единственным условием безопасности этих государств в течение их многовековой борьбы с Римом; оно весьма четко сформулировано у Диона Кассия: «...Тот из них,— пишет он,— который одержит победу над другим, поможет делу римлян, сам же станет легко преодолимым» (*ὁ πικτωρὶς χυτὼν τοῦ ἐτάρου*)

С полного одобрения армянской знати престол царства Великой Армении был предоставлен брату парфянского царя Тиридату I.

Борьба с римской агрессией склонила к союзу с Парфией Албанию и Аднабену. Среди союзных государств своим могуществом выделялась Атропатенская Мидия. Итак, в начале 50-х годов н. э. в политической жизни Передней Азии появилась антиримская коалиция трансевфратских государств. Ее следует отнести к разряду оборонительных симмахий (*συμμαχία ἐπιβοηθή*), широко известных в эллинистическом мире. Такая симмахия, как правило, была организацией государств, объединенных для борьбы с общим противником. Она имела своего гегемона, который проводил общую политику союзников. В нашем случае эту роль играло Парфянское царство.

С появлением единого антиримского фронта позиции Рима на Евфрате сильно пошатнулись; Рим пытался спасти положение любым путем. Это были первые годы правления Нерона (54—64 гг.), когда старая римская аристократия вновь пользовалась неограниченным влиянием. Она предполагала нанести свой основной удар по армяно-парфянскому союзу, полагая, что для этого наступил исключительно благоприятный момент. Действительно, в середине 50-х гг. Парфия испытывала серьезные трудности в связи с восстанием скифов, которые, будучи отстраненными от власти, стремились к независимости, и она была не в состоянии оказать реальную помощь своим союзникам. Исходя из этого, римляне считали необходимым признать Тиридата I царем Армении и установить с ним дружественные отношения, внушая ему, что только с их помощью он сможет укрепить свои позиции в Армении. Это был Тибериев вариант решения армянской проблемы, увенчавшийся некогда большим успехом. Но планы римлян оказались тщетными—Армения была прочно ориентирована на Парфию.

После этой неудачи римляне в течение почти трех лет неустанно готовились к войне, и в 58 г. римский военачальник Корбулон с огромной армией вторгся в Армению, покорил ее и возвел на трон Тиграна VI. Рим возвращался к политике Августа, пытаясь осуществить свой контроль над Арменией при помощи марионеточного режима, хотя практика давно уже показала ее несостоятельность. Захват Армении заставил Вологеза I обратить внимание на Запад. Признав независимость скифов, он сконцентрировал все свои силы против римлян. Под давлением союзнических сил Корбулон был вынужден вывести свои войска из Армении, и здесь снова воцарился Тиридат I.

В начале 60-х гг. римляне взяли на Евфрате новый курс—отвоевать Армению и превратить ее в провинцию. Руководство новой кампанией было поручено Ц. Пету, в 63 г. он вступил со своими легионами в Армению. Но это военное предприятие Рима имело катастро-

κρατούμεν τῶν τε παραγερῶν τοῖς Ῥωμαίοις προκίβει καὶ εὐχεριστότερος εἶναι γενήσεται).—Dio Cass., 37.7.4.

фический исход: все римское войско было окружено армяно-парфянскими силами в Рандее (близ Арсамосаты) и капитулировало без малейшего сопротивления. Шла молва, что оно прошло даже под ярмом неприятеля. Это была самая крупная неудача римского оружия на Востоке после поражения Красса (54 г. до н. э.).

Итак, в течение почти десятилетнего периода Рим пытался осуществить свой контроль над Арменией и путем установления дружественных отношений, и превращением ее в подвластное царство или в провинцию, и всегда его постигала неудача.

Но в Ктесифонте это считалось недостаточным, ибо конечной целью антиримской коалиции было создание прочного мира на Евфрате на основе качественно новых межгосударственных отношений. И именно этими соображениями руководствовался Вологез I, отправляя в Рим посольство после столь значительных успехов. В своем послании к римскому императору парфянский царь, указывая, с одной стороны, на свою мощь, с другой,—на миролюбие, писал, что Тиридат не возражал бы против поездки в Рим для принятия диадемы⁴. Другими словами, антиримская коалиция отказывалась от политики строгой конфронтации, предлагая такое решение армянской проблемы, которое отвечало бы интересам обеих сторон. Оно было своеобразным синтезом армянской политики Парфии и Рима (Тибериева варианта), т. е. царство Великой Армении, продолжая находиться в союзе с трансевфратскими государствами, вступало в дружественные отношения с Римской империей.

Хотя официально это предложение было отвергнуто и римляне заявили о своей готовности продолжать войну, тем не менее по существу оно было принято. Нерон вернул послов с дарами, «из которых исходила надежда, что Тиридат может рассчитывать на успех, если сам обратится с просьбой»⁵. В ответе императора содержалась существенная поправка к условиям коалиции—парфянский царь должен был отказаться от права представления интересов Армении в межгосударственных отношениях. Право это должно было стать прерогативой царской власти правителей этой страны. Нетрудно заметить, что, не добившись подчинения Армении, Рим пытался по мере возможностей уменьшить в ней влияние парфян⁶. Возражение римлян было учтено парфянами, и на основе этого предварительного соглашения в 64 г. н. э. был заключен Рандейский договор.

В задачу настоящей работы не входит, однако, подробный анализ отдельных статей Рандейского договора, да и вряд ли это возможно при нынешнем состоянии источников. Мы лишь хотели бы проанализировать некоторые стороны договора в свете самой церемонии его

⁴ Tacit., Ann., 15.24.

⁵ Там же, 15.25.

⁶ По этому поводу О. В. Кудрявцев отмечает: «...для обеих держав самое главное было не захватить Армению, а не допустить захват ее другой державой» (см. его статью «Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона», ВДИ, 1948, № 3, стр. 57).

заклучения, так как в отдельных церемониальных деталях чаще всего кроется реальное положение вещей. Приступим к рассмотрению некоторых из них.

В повествовании Тацита сохранилось довольно подробное описание Рандейского церемониала. После того как Тиридат I и Корбулон пришли к соглашению, лицом к лицу были выстроены в парадной форме армяно-парфянская конница и римские легионы. В середине был сооружен трибунал с курульным креслом, на котором находилось изображение Нерона. Совершив жертвоприношение в начале церемонии, Тиридат подошел к трибуналу, снял свою диадему и положил ее у изображения императора, с тем чтобы получить ее из его рук в Риме.

Оценивая Рандейский церемониал, большинство исследователей полагает, что армянский царь временно лишился своей власти⁷. Это исходит из их интерпретации исследуемого договора как акта установления вассальных отношений между Арменией и Римом. В результате получается, что волею римского императора правитель Великой Армении терял свои царские достоинства и был снова наделен ими лишь после того, как признал его своим сюзереном. В пользу такой трактовки приводится и следующая деталь. В рассматриваемом отрывке из Тацита *diadema* отождествляется с *signe regium* (отличие царской власти вообще), и создается впечатление, что после Рандей армянский царь не имел короны.

Важные сведения по исследуемому вопросу сообщает другой наш источник—Светоний. Правда, этот автор никак не упоминает о Рандейском церемониале, но как бы компенсируя свое достаточно обстоятельное повествование о коронации Тиридата в Риме. Согласно Светонию, армянский царь носил тиару в то время, когда прибыл в столицу империи⁸.

Основываясь на многочисленных упоминаниях наших источников о том, что Тиридат I был магом зороастрийской религии, упомянутые исследователи склонны рассматривать тиару как символ жреческого сана. В доказательство этого они указывают на то, что тиара была обязательным элементом убранства высокопоставленных парфянских священнослужителей. Среди новейших исследователей один лишь М. Лемос сделал попытку увидеть в ней царскую корону⁹. Он ссылается на данные нумизматики, указывая на то, что тиару носили и предшествующие правители Великой Армении. Но автору следова-

⁷ N. De bevoise, *A Political history of Parthia*, N. Y., 1968, стр. 195; F. Cumont, *L'iniziazione di Nerone da parte di Tiridate d'Armenia*, „Riv. di Filol.“, 1933, 61, стр. 146; E. Sanford, *Nero and the East*, „Harv. Stud. in Class. Philol.“, 1937, 48, стр. 102; K. Ziegler, *Die Beziehungen zwischen Rom und der Partherreich*, Wiesbaden, 1964, стр. 72; О. В. Кудрявцев, указ. статья, стр. 58.

⁸ Svet., *Nero*, 13.2.

⁹ M. Lemosse, *Le couronnement de Tiridate*, „Mélanges Gilbert Gidel“, Paris, 1961, стр. 462—463.

ло бы обратить внимание на то, что эти цари были представителями Арташесидов, и для подобного утверждения необходимо в первую очередь доказать, что корона последних перешла к армянским Аршакидам—задача довольно сложная, в частности ввиду того, что по сей день наука не располагает ни одной монетой царей этой новой династии. Но от ее успешного решения зависит доказательство достоверности нашей трактовки Рандейского договора.

Известно, что Тиридат I начал царствовать в Армении в 52 г. н. э. и только спустя восемь лет, в 60 г. (после похода Корбулона), получил диадему от своего брата Вологеза I, ту самую, с которой он расстался в Рандее. Если допустить, что тиара царя символизировала его жречество, то получается, что в течение указанного периода он правил в Армении не иначе, как зороастрийский маг, что совершенно исключено. Доказательством этого служит тот факт, что наши источники, повествуя о событиях 50-х годов, единогласно называют Тиридата царем¹⁰. Это обстоятельство разрешает все сомнения и дает нам право утверждать, что тиара армянского царя была знаком царского достоинства, который древние называли *тидра брда*¹¹. Другими словами, Тиридат I прибыл в Рим, будучи уже законным правителем своей страны. Следует заметить, что данный вопрос именно так и представлен у Светония¹². Из вышесказанного следует, что до Рандейского церемониала царь Великой Армении носил и тиару и диадему, т. е. корона основоположника династии Аршакидов в сущности ничем не отличалась от короны Арташесидов.

В свете этих выводов очень ясно вырисовываются параллели между Рандейским договором и договором, заключенным Тиграном Великим с Помпеем в 65 г. до н. э. О последнем сохранились довольно обстоятельные сведения у Диона Кассия, согласно которому царь Тигран явился к римскому полководцу в своем полном убранстве, за исключением царской мантии. На голове царя была его обычная корона—диадема и тиара. Он подошел к Помпею, поклонился и, сняв диадему, вручил ему ее. Приняв диадему, полководец снова привязал ее к голове армянского царя¹³.

То же самое было и с Тиридатом I, с той лишь разницей, что он снял диадему в Рандее, а получил ее в столице Римской империи. Причиной этого было то, что в компетенцию Корбулона не входило заключение международных договоров¹⁴. Но в чем же заключался смысл

¹⁰ Tacit., Ann., 13.37, 39; Dio Cass., 62.19.

¹¹ Jos. Flav., Ant. Jud., 20.3.3; о тиаре см. подробнее: Г. А. Тиранян, Ахеменидские традиции в древней Армении, «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации», М., 1960, стр. 5—7.

¹² Svet., Nero, 13: „Non immerito inter spectacula ab eo (Nerone,—A. C.) edita et Tiridatis introitum retulerim. Quem Armeniae regem, magnis pollicitationibus sollicitatum...“.

¹³ Dio Cass., 36.52.2—3.

¹⁴ Тацит отмечает, что после поражения Пета власть Корбулона была увеличена до тех размеров, которая имела у Помпея при ведении войны с пиратами

всей этой церемонии? Ответ содержится в повествовании Диона Кассия: признав Тиграна Великого царем Армении, римляне устанавливали с ним дружественные отношения¹⁵. Автор совершенно прав, ибо диадема есть знак независимости и суверенитета, ее носил любой эллинистический монарх, называвший себя βασιλεύς. С точки зрения международного права эллинистического мира она означала также всеобщее признание, на основе которого устанавливались политические отношения между государствами¹⁶.

Это говорит о том, что акт получения Тиридатом диадемы из рук Нерона вряд ли можно называть коронацией, он означал всего лишь установление дружественных отношений между Арменией и Римом.

Но почему же во время «коронации» Нерон снял с головы Тиридата I тиару перед тем, как привязать диадему (*dein precanti, tiara deducta, diadema imposuit*)¹⁷? При рассмотрении монет Арташесидов выясняется довольно любопытное обстоятельство: некоторые представители этой армянской династии (Тигран IV, Эрато) изображены без тиары, только с диадемой¹⁸. То же самое наблюдается и у парфянских царей—хотя Иосиф Флавий утверждает, что тиара была исконно парфянской короной, далеко не каждый из них носил ее¹⁹. По всей вероятности, не существовало строгого правила, требовавшего носить тиару при наличии диадемы. Этим и воспользовался римский император, чтобы создать в глазах подчиненных иллюзию о своем мнимом могуществе «уничтожать и восстанавливать государства»²⁰.

Следующая деталь, которую мы собираемся рассмотреть, на первый взгляд весьма незначительна и потому редко удостоивалась внимания исследователей. Говоря об успешном завершении переговоров между Тиридатом I и Корбулоном, Тацит отмечает, что на прощание они обменялись поцелуями (*colloquium osculo finitum*)²¹. Любопытно, что Светоний также не упустил из виду этот очень интересный момент—при вручении диадемы Нерон расцеловал Тиридата (*...allevatumque dextra exosculatus est*)²². Чем же обусловлено внимание на-

(Tacit., Ann., 15.15). Однако, возглавив эту кампанию, согласно *lex Gabinia* Помпей не был наделен правом заключения международных договоров. Право это он получил только по *lex Manilia*, будучи направленным на Восток.

¹⁵ Dio Cass., 36.52.4. По этому поводу Помпей говорил Тиграну: „...ἀλλὰ τε καὶ ὅτι οὐ τὴν τῶν Ἀρμενίων βασιλείαν ἀπολώλεως ἀλλὰ καὶ τὴν τῶν Ῥωμαίων φίλιαν προσεληψὼς εἶπ.“ („...что он не только не потерял Армянское царство, но и приобрел дружбу римлян“).

¹⁶ A. Aymard, *La monarchie hellénistique*, „Relazioni des X Congr. di Sc. str.“, 11, Roma, 1955, стр. 224—225.

¹⁷ Svet., Nero, 13.2.

¹⁸ B. Head, *Historia numorum*, Oxford, 1887, стр. 636.

¹⁹ Jos. Flav., 20.3.3.

²⁰ Dio Cass., 63.5.

²¹ Tacit., Ann., 15.29.

²² Svet., Nero, 13.2.

ших источников к этой церемониальной детали? На что она указывает?

Все без исключения исследователи рассматривают ритуал целования как знак установления вассальных отношений между армянским царем и римским императором. Они ссылаются на то, что в средние века этот ритуал иногда встречался при заключении подобных актов²³. Однако это утверждение вряд ли может претендовать на достоверность по той причине, что оно противоречит сведениям самого Тацита.

После Рандейского церемониала Тиридат I отправился в Парфию, чтобы попрощаться с матерью и братьями перед долгим путешествием в Рим. В это же время Вологез I, исходя из Рандейского договора, сделал римлянам официальное заявление, в котором выражал свои опасения, как бы его брат не был принят в Риме в качестве вассала (*ne quem imaginem servitii Tiridates perferret*), и требовал, чтобы ему были оказаны консульские почести (*tantusque ei Rome, quantus consilibus honor esset*)²⁴. Условия эти, как следует из повествования, были приняты. Следует заметить, что в середине I в. н. э. (и немалое время после этого) консулы продолжали считаться высшими должностными лицами с точки зрения римского государственного права, несмотря на неуклонный процесс становления императорской власти. Иными словами, Вологез I требовал для армянского царя самые высокие почести, принятые у римлян.

Нам представляется, как это ни неожиданно, что объяснение исследуемой церемониальной детали следует искать в тех переменах, которые переживало парфянское общество. Известно, что с правлением Вологеза I в Парфии начался процесс иранского возрождения. Он в первую очередь проявился в религии—под его давлением эллинистические культы все более отодвигались на задний план или переосмыслились как местные, иранские. Намечалась тенденция создания единого религиозного языка, что в конце концов привело к восстановлению устоев древнеиранской религии. Результатом этого была кодификация текста зороастрийской священной книги Авесты²⁵.

Религия зороастризма проникала во все сферы общественной жизни, и ее догмы постепенно становились нормой общественного поведения. Она находила все новых и новых приверженцев, и можно полагать, что парфянский царь, подобно своему брату Тиридату I, был зороастрийским магом.

О зороастрийском обществе древних персов сохранилось множество сведений у греко-римских авторов. Особую ценность представляют свидетельства Геродота, обстоятельно описывающие их нравы

²³ K. Ziegler, указ. работа, стр. 76.

²⁴ Tacit., Ann., 15.31.

²⁵ I. Unvala, Observation on the religion of the Parthians, Bombay, 1925, стр. 36; J. Duchesne-Guillemin, La religion de l'Iran ancien, Paris, 1962, стр. 226; В. Г. Луконин, Искусство древнего Ирана, «История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства», М., 1972, стр. 113.

и обычаи. Согласно этому автору, при встрече двух персов легко было определить их общественное положение, так как если они были равны, то целовали друг друга в уста; при небольшой разнице они целовали друг друга в щеки; в случае, если разница была велика, один из них падал ниц перед другим²⁶.

Попробуем в свете этого свидетельства рассмотреть события, связанные с прибытием Тиридата I в столицу империи. В упомянутом заявлении Волгеза I имеется весьма любопытная деталь: парфянский царь требовал, чтобы правители всех римских провинций, по которым пройдет его брат, почтили его обниманием (*aut complexu provincias obtinentium arceretur*)²⁷. Это указывает на то, что не каждый из римских высокопоставленных сановников имел право на целование, оно было привилегией императора и Корбулона, наделенного в то время чрезвычайными полномочиями. Правители римских провинций по своему положению в социальной иерархии, несомненно, стояли ниже Тиридата I, так как парфянский царевич прибыл в империю в качестве суверенного правителя Великой Армении. Нерон признал этот статус Тиридата I, устанавливая с ним дружественные отношения, и обряд целования был церемониальным подтверждением этого. Такая интерпретация исследуемой детали позволяет утверждать, что Рандейский договор был заключен согласно принципам зороастрийской религии²⁸.

Могут быть возражения против такой интерпретации. Ведь говоря о встречах императора с сенаторами, древние нередко упоминают о поцелуе²⁹, а Плиний Младший считает это проявлением высоких добродетелей своего любимого героя Траяна (*Gratum erat cunctis quod senatum osculo exciperes, ut dimissus osculo fueres*)³⁰. Но прежде чем делать какие-либо выводы, следует заметить, что при Нероне дело обстояло совершенно иначе: борьба между сенатом и императором (особенно к концу его правления) настолько обострилась, что надменный император даже помышлял об искоренении всего сенатского сословия. При таких отношениях не могло быть и речи о *signe honoris*. Светоний сообщает, что Нерон демонстративно отказался от обряда целования: „Nero neque adveniens, neque proficiscens, quemquam osculo impertiuit“³¹. Однако император был вынужден включить эту деталь

²⁶ Herod., 1. 134: „ἐντυγχάνοντες ἑλλητῶσι ἐν τῇσι ὄψεσι, τῶς ἀν τις διαχνοίη εἰ οἱμοί εἰσι οἱ συντυγχάνοντες ἀντί γὰρ τοῦ προστῆραιον ἑλλητῶς φιλεῖται τοῖσι στόμασι. τὴν οὖν τῇ οὐτερος ὑποδεεστερος ὀλίγω τὰς παρείας φιλεῖνται τὴν δὲ πολλῶν τῇ οὐτερος ἀγεννέστερος, προσπίπτων προσκυνεῖ τὸν ἑτερον“.

²⁷ Tacit., Ann., 15. 31.

²⁸ Этот вывод раньше нас делали и другие исследователи, но они при этом исходили из совершенно иных фактов и соображений. См. F. Cumont, указ. статья, стр. 152; K. Ziegler, указ. работа, стр. 72.

²⁹ Tacit., Vit. Agr., 40; Horat., 1, 36; Svet., Othon, 10.

³⁰ Plin., Paneg., 23.

³¹ Svet., Nero, 37. 3.

в «коронацию» армянского царя, и нет сомнения, что это было сделано под нажимом парфянской стороны.

Данное обстоятельство еще раз говорит об исключительном статусе Тиридата I в Риме, и вряд ли сами римляне не понимали этого. Дион Кассий, детально описывая приезд Тиридата I в Рим, исключил из своего рассказа исследуемую деталь. Это неудивительно—автор всеми средствами пытался создать впечатление, что десятилетняя война закончилась несомненной победой римского оружия, за которой последовало установление вассальных отношений между Арменией и Римом.

Исследователи, склонные трактовать Рандейский договор как акт установления вассальных отношений, чаще всего ссылаются на свидетельство Диона Кассия, в котором он, описывая «коронацию» армянского царя в Риме, сообщает его диалог с императором, во время которого Тиридат I признает себя слугой Нерона (τοῦ δὲ βασιλέως εἰρή). Прежде всего следует заметить, что это утверждение противоречит вышеприведенному свидетельству Тацита: ведь парфянский царь в своем заявлении опровергал такое решение вопроса, и римляне были вполне согласны с ним. Быть может, впоследствии они нарушили это предварительное соглашение? Прежде чем сделать подобный вывод, необходимо в первую очередь выяснить, насколько достоверно свидетельство Диона Кассия.

Вызывает удивление тот факт, что у этого автора ничего не говорится о заявлении Вологеза I, хотя он при изложении событий на Евфрате пользовался теми же источниками, что и Тацит. Во-вторых, совершенно непонятно, откуда взят термин *βασιλεὺς*—подобная категория была чужда внешнеполитическому праву римлян. Оно обычно оперировало такими категориями, как *amicus*, *socius*, *foedus* для выражения сущности отношений Рима с теми или иными государствами. Поэтому некоторые исследователи полагают, что категория *βασιλεὺς* исходит из сферы армяно-парфянских отношений³². Однако ни в одном источнике не зафиксирован случай обращения армянских Аршакидов к парфянским царям как к повелителям. Как правило, они называли своих сородичей братом или сыном. Это особенно четко прослеживается в труде Мовсеса Хоренаци³³. Тацит также неоднократно говорит об этом; по его словам, при возведении Тиридата на престол царства Великой Армении Вологез I особо подчеркивал тот факт, что он—его брат, уступивший ему парфянский трон³⁴.

Где же следует искать объяснение термина *βασιλεὺς*? Из каких соображений исходил Дион Кассий, употребляя его вместо *amicus* (amicus), в то время как между Арменией и Римом по Рандейскому договору устанавливались дружественные отношения? Творческая зрелость Диона Кассия совпала с периодом правления последних

³² F. Cumont, указ. статья, стр. 153.

³³ Мовсес Хоренаци, История Армении, 1.9, 2.3, 2.33, 2.38 и т. д.

³⁴ Tacit., Ann., 15. 2.

представителей династии Северов. Его исторический труд был завершён в начале 30-х годов III в. н. э. Прошло более полутора столетий со времени описываемых событий. Этот исторический период ознаменовался глубокими переменами в жизни римского общества. Республиканские магистраты к этому времени окончательно потеряли свое значение, вся государственная власть сконцентрировалась в руках императорской администрации. Некогда могущественный сенат не обладал решительно никакой властью, важнейшие вопросы решались самим императором и его советом (*consilium principis*). Вместо общедоступных принцепсов появилась фигура всевластного монарха, личность которого была окружена религиозной таинственностью. Постепенно образовался огромный штат придворных, которые обращались к нему не иначе, как «*dominus*». В истории Римской империи начиналась эпоха домината—эпоха абсолютной монархии. Свое правовое обоснование доминат получил в последней четверти III в. в период правления Диоклетиана (284—305 гг.). Во внешнеполитической жизни империи наблюдались серьезные сдвиги. Категории римского международного права (*amicus, socius, foedus*) теряли свое былое значение и все чаще отождествлялись с *servus* (δούλος), так как правители соседних стран, вступая в контакты с императором, не могли рассчитывать на большее, чем быть признанными его подданными³⁵. Впоследствии это стало незыблемым правилом византийского международного права³⁶. Итак, отождествляя φίλος (*amicus*) с δούλος (*servus*), Дион Кассий исходил из представлений своего времени. Термин δούλος в «коронации» Тиридата I употреблен ретроспективно и не может противоречить нашей интерпретации Рандейского договора.

**ՀՌԱՆԴԵԱՅԻ ՊԱՅՄԱՆԱԳԻՐԸ
ԵՎ ՏՐԴԱՏ ԱՐՇԱԿՈՒՆՈՒ ԹԱԴԱԴՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀՈՌՄՈՒՄ**

Ա. Ա. ՍՏԵՓԱՆՅԱՆ (ԼԵՆԻՆԳՐԱԴ)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հռանդեայի հաշտության պայմանագիրը (64 թ. մ. թ.) նոր փուլ էր նշանավորում Հռոմի արևելյան քաղաքականության մեջ: Մ. թ. 50-ական թթ. սկզբին հռոմեացիների համար Արևելքում ստեղծվել էր ծանր կացություն. Պարթևաստանի զլիավորությամբ ստեղծվել էր անդրեփրատյան պետությունների (Հայաստան, Ատրպատական, Ադվանք, Ադիաբեն) ռազմական միություն, որի նպատակն էր վերացնել Հռոմի գերիշխանությունը: Երկու ուժերի բխումը անխուսափելի էր: Սկսվեց մի պատերազմ, որը տևեց տասը երկար

³⁵ В. Stalknecht, Untersuchungen zu römischen Ausserpolitik in der Spätantike, Bonn, 1967, стр. 142. Процесс этот, видимо, начинается к концу правления Антонина Пия (138--161), неоднократно подчеркивавшего: «ἐφ' ὃν οὐδὲν τὸν κοινὸν νόμον ἀνίμει» — Digesta (De rebus), XIV, 2, 9.

³⁶ К. Н. Юзбашьян, Армения эпохи Багратидов в международно-правовом аспекте, «Историко-филологический журнал», 1975, № 1.

տարիներ (մ. թ. 54—64)։ Հռոմեական կողմը առաջին հերթին նպատակ ուներ քայքայել անդրեփրատյան պետությունների միությունը։ Այս նպատակով նա ձգտում էր իր կողմը գրավել Հայաստանը, որն իր ռազմաքաղաքական նշանակությամբ առաջինն էր Պարթևաստանի դաշնակիցների շարքում։ Այգ քաղաքականությունը հաջողություն չբերեց։ Մ. թ. 59 թ., օգտվելով այն բանից, որ պարթևները իրենց ողջ ուժերը կենտրոնացրել էին Հյուրկանիայի դեմ, հռոմեական լեգեոնները Կորբուլոնի գլխավորությամբ մտան Հայաստան և գահ բարձրացրին Տիգրան VI-ին։ Շուտով պարթևական կողմն իր ուժերը տեղափոխեց արևմուտք, և 61 թ. հռոմեացիները իրենց զորքերը դուրս բերեցին Հայաստանից։ Ներոնի կառավարությունը քաղաքական նոր կուրս վերցրեց՝ գրավել Հայաստանը և վերածել պրովինցիայի։ Այս նպատակով կազմակերպված Պետուսի արշավանքը (63 թ.) վերջացավ խայտառակ պարտությամբ։ Երկար բանակցություններից հետո կողմերը հետևյալ համաձայնության եկան. շարունակելով մնալ անդրեփրատյան պետությունների միության անդամ, Հայաստանը պետք է բարեկամական հարաբերությունների մեջ մտնեի Հռոմի հետ։ Այդ հիման վրա կնքվեց Հռանդեայի պայմանագիրը։ Պետությունների այսօրինակ հարաբերությունները, մասնակի փոփոխություններով, շարունակեցին գոյություն ունենալ մինչև Պարթևական պետության անկումը (228 թ.)։

Հոգևածում քննվում են նաև պայմանագրի կնքման և Հռոմում Հայաստանի թագավոր Տրդատ I-ի թագադրման ծիսակատարության առանձին մանրամասներ՝ անտիկ իրավունքի և կրոնի տեսանկյունից։